

Н. Б. Кириллова, Е. А. Брагина***

Многообразие культур в глобальном медиапространстве и поиск новой идентичности

Тема культурного многообразия, культурного диалога и культурных связей в условиях глобализации сегодня широко обсуждается не только в научной сфере, но и на государственном уровне. Интересно взглянуть на эту проблему в контексте социальной модернизации, если рассматривать ее как глобальный процесс становления информационного общества.

Сошлемся на анализ, проведенный Э. А. Орловой [6; 20–29]. По ее мнению, западноевропейские истоки определили социокультурные коды в областях социетальной организации, социально значимого знания, трансляции социокультурного опыта. Социетальная организация характеризуется специфичными трансформациями каждой из ее составляющих. В хозяйственной области совершается переход от индустриализма к постиндустриализму, в политической – от автократических и олигархических режимов к демократическому, в правовой области – от обычного к юридическому праву, от сословных привилегий к правам человека.

Соответственно, меняется и структура трансляции социокультурного опыта. В образовании на смену доктринерству приходит обучение решению проблем, просвещение меняет энциклопедическую ориентацию на адаптационную, в средствах массовой коммуникации идеологическая доминанта сменяется фактографической. Такого рода преобразования коснулись многих стран и достигли глобального масштаба.

Общераспространенным при этом стало мнение о том, что глобализация ведет к снижению степени многообразия культур, которое традиционно рассматривается как источник социокультурной эволюции. Обычно вслед за этим следует утверждение унификации культур. Ее носителем считается «массовая культура»,

* *Наталья Борисовна Кириллова* – д. культ., профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

** *Екатерина Андреевна Брагина* – магистрант факультета искусствования и культурологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

основой формирования которой являются развлекательные коммерческие структуры, а каналом распространения – средства массовой коммуникации. Основная опасность усматривается в том, что благодаря этому из культуры уходят ее локально-специфичные, «народные» формы. «Обычно такого рода рассуждения, – отмечает Э. А. Орлова, – завершаются выводом о том, что глобализация с необходимостью предполагает насильственную интеграцию социокультурных единиц разного масштаба в общую унифицирующую систему, мешающую их культурной самобытности» [6; 22].

С другой стороны, кризис такого рода усиливает значимость противопоставления «мы – они», а это, в свою очередь, обостряет напряженность в отношениях между представителями различных культур и субкультур. А это значит, подчеркивает О. Н. Астафьева, «развитие мира в условиях расширяющегося глобализации связано не только с позитивными результатами интеграционных процессов, но и влечет за собой обострение межкультурных и межнациональных противоречий, межрелигиозного противостояния и конфликтов» [1; 120].

По-видимому, источник современных проблем мирового масштаба находится не в том, что глобальные процессы унифицируют социокультурную жизнь, снижая меру ее адаптационно необходимого разнообразия. Скорее, их следует связывать с низкой степенью освоенности изменений, происходящих в современном мире, и с уровнем организации связей людей с окружающим миром.

Вот почему, как нам кажется, именно медиакультура с ее современными технологиями (компьютерные сети, Интернет, электронная связь, мультимедиа и др.) способна выстроить «диалог» и даже «полилог» культур в глобальном медиапространстве. Причем процесс расширения мирового культурного пространства только и возможен при наличии и достаточной распространенности более или менее развитых национальных культур. «Отношения национальных культур с этническими преимущественно отчужденные, в основном из-за разительного несходства образных систем, организации и характера творчества, функционирования в различных социальных средах [3; 168].

Свою «особость» в рассматриваемом аспекте весьма решительно демонстрирует транснациональная, модернистская в своей основе культура. Она, как правило, основана на противопоставлении классическим (по преимуществу реалистическим) решениям – своей образностью, формами и смыслами независимо от того, о чем идет речь – о «массовой» ли культуре, «элитарных» явлениях или широко понимаемом «новом» («актуальном») искусстве любых видов и жанров. Другими словами, отношения между «постклассикой» и «классикой» в определенной степени сравнимы с отношениями индустриальных и доиндустриальных типов культур.

Важно понимать, что появление на исторической арене новых мегамишштабных культурных миров отнюдь не означает радикального вытеснения предыдущих. Каждый из них занимает свой сектор на общем культурном поле (разумеется, подчас решительно перераспределяя территории и аудитории). Они приходят в неизбежное соприкосновение, встраиваются, точнее, наслаиваются в некоторой системе, нередко дополняя и оттеняя достоинства друг друга. «Соседство этих «автономных» творческих космосов, известным образом взаимодействующих в рамках отдельных сообществ, обычно обогащает последние и дает наиболее полное представление о духовной жизни того или иного народа» [3; 169].

В этой связи нельзя не признавать тех преимуществ социокультурного развития, которые связаны с интеграционными тенденциями. Причем трансформация системы информационно-коммуникационных отношений в мире касается всех без исключения стран – и «развитых», и «развивающихся», и «восточных», и «западных».

Для того, чтобы дать объективную оценку ситуации, необходимо выявить возникающие в этой связи проблемы, используя механизмы культурной политики. К этому призывает и «Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии», видя в сохранении этнических культур одно из важных условий выживания человечества. Идея сохранения культурной самобытности – это свидетельство отказа от активной экспансии чужих ценностей, образа и стиля жизни и приглашение всех стран к диалогу [5; 11–12].

Исследователи выделяют множество типов проявления самобытности в современном мире. Это – «самобытность в условиях открытости», которая связана со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур в глобализирующемся мире. Носители этнической культуры этого типа открываются навстречу контактам с другими культурами, тем самым создавая атмосферу «предуготовленности» к диалогу. Иные цели преследуются носителями «самобытности как формы закрытости»: защита своего природного и социокультурного пространства, противопоставление «своих» ценностей «чужим», которые распространяются по разным каналам. Наиболее перспективной, по мнению американского социолога М. Кастельса, видится «самобытность, устремленная в будущее, – «project identity», создающая основы для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма» [2; 301].

В этой связи опять-таки напрашивается вопрос: корректно ли в ситуации открытости говорить о достаточности, доступности, достоверности информации, поступающей через разные каналы?

Может ли культурная политика в глобализирующемся мире выступать если не «фильтром», то регулятором информационно-коммуникативных процессов в современном мире? Насколько это вообще возможно в сетевом саморазвивающемся пространстве?

Теоретически – допустимо, на практике – очень сложно.

Социокультурная реальность глобализирующегося мира снижает шансы формирования этнокультурной идентичности как субъективно устанавливаемой идентичности, причем и для тех, кто живет в своей родной среде, и для тех, кто существует за ее пределами. Дело в том, что понимание окружающего мира приходит к подросткам, молодежи из информационного пространства телевидения, кинематографа, Интернета, компьютерной сети, где «они видят себя рядом с Другим, который не всегда является реальным человеком их сообщества: с детского возраста перед ними аудиовизуальный образ Другого. С этим Другим, смотрящим с экрана компьютерного монитора или телевизора и ведущим себя иначе, чем окружающие его люди, выстраиваются определенные модели понимания мира, образцы поведения и т. д.» [7; 97].

Как уже не раз отмечалось, формируется новое компьютерное поколение, имеющее новые идентификационные параметры и принимающее физическую и искусственную (виртуальную) реальность как равные реальности. Нельзя сказать, что ранее не возникало проблемы упорядочения, соположения реальностей; мифологическое и религиозное сознание, миры традиционных культур органично включались в жизненный мир человека, но при этом этнокультурная доминанта выступала ядром, попадая в притяжение которого они складывались в определенную целостность [3; 174].

Для понимания и диалога разных культур, быть может, необходима и духовная модернизация, выработка новой системы ценностей для достижения цивилизационного синтеза при сохранении культурного плюрализма. Ведь «диалог» – это не что иное, как способ организации совместной жизни людей на нашей планете, ибо «диалогичность» есть спектр разных форм соприкосновения, взаимодействия, сопряжения в настоящем прошлого и будущего, что свойственно всем переходным периодам.

Таким образом, на процесс и результаты взаимодействия культур огромное влияние оказывает современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые становятся основными каналами трансляции многообразия культур.

В условиях глобализации, когда миграция приобретает небывалые масштабы, *передача духовного наследия вне естественной среды ее порождения становится еще одной актуальной и сложной проблемой.* В определенной степени потребность в языке, как важном средстве идентификации, восполняется через

печатную продукцию, телевидение и видео, электронные носители информации. Избежать смешения и полной ассимиляции с иными культурами помогает функционирование этнической культуры в мировом информационном пространстве [4; 177].

Конечно, при этом возникает вопрос о точности «перевода», о специфике передачи особенностей этнического сознания, ментальности духовного мира и т. д.

И все же, думается, что «перспективы бытования этнических культур в медиапространстве очевидны. И это мощный шаг вперед, особенно по сравнению с перспективой стандартизации и гибели культур» [7; 100].

В российской культуре, особенно региональной, в условиях социальной модернизации принципиальное значение приобретает ориентация на будущее, предполагающая, что традиции прошлого реализуются без потерь на новой инновационной основе. Столь же важно, чтобы все те, кто ответственен за состояние отечественной культуры, могли учитывать специфику переходного периода, создавая условия для саморазвития всех культурных процессов.

Литература

1. Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. – М., 2008. – С. 120–138.
2. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. – М. : Academia, 1999.
3. Кириллова Н. Б. Медиасреда российской модернизации – М. : Академический проект, 2005.
4. Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры : сб. материалов / сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. – М. : Либерия, 2002.
5. Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе / под ред. Е. И. Кузьмина. – СПб. : Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех», 2004.
6. Культурное разнообразие, развитие и глобализация. По результатам дискуссии «круглого стола» / под ред. К. Разлогова. – М. : РИК, 2003.
7. Фундаментальные проблемы культурологи. – Т. VII : Культурное многообразие: теории и стратегии / отв. ред. Д. Л. Спивак. – М. ; СПб. : Новый хронограф, 2009.